

Александр Каждан

(Думбартон Оукс, США)

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР В "ИСТОРИИ" НИКИТЫ ХОНИАТА

Михаил Яковлевич Сюзюмов оказал огромное влияние на мое становление как ученого; хотя мы были территориально обособлены, я учился у него и прямо, в ходе нашей многолетней полемики; и опосредствованно, следя за его творческим поиском, за его необычайно эмоциональным отношением к предмету его занятий — Византии. Я рад, что изменившиеся обстоятельства позволяют мне участвовать в этом сборнике, посвященном Михаилу Яковлевичу, хотя тема моей статьи может показаться мелкой в сравнении с большими проблемами, о которых мы когда-то спорили.

Эта тема, однако ж, лишь часть большой работы, задуманной мною давно, еще при жизни Михаила Яковлевича. Я надеюсь, что анализ словаря "Истории" Никиты Хониата, одного из самых замечательных произведений византийской историографии, может позволить нам проникнуть во внутренний мир писателя. Этот анализ базируется на симфонии, конкордансе, или попросту систематизированном словаре к "Истории", включающем все слова (за исключением союза *καί* и артиклей). До сих пор только одна глава была оформлена и опубликована — "Тело в Истории Никиты Хониата"¹. В отличие от человеческого тела растительный мир привлекал сравнительно мало внимание писателя, и хотя его растительный репертуар сравнительно обилен, каждый отдельный термин встречается нечасто, и это облегчает проблему ссылок, которые даются по изданию Я. Л. ван Дитена².

Основное слово для обозначения леса, *hyle*, встречается в этом значении три раза в "Истории" (90. 90, 198. 23, 615. 25) и еще три раза для обозначения дров (203.

¹ Kazhdan A. Der Körper im Geschichtswerk des Niketas Choniates // Fest und Alltag in Byzanz / Herausgegeben von G. Prinzing und D. Simon. München, 1990. S. 91-105.

² Niketas Choniates. Historia / Res. I. A. van Dieten. Berlin, New York, 1975. Ниже все ссылки на "Историю" Хониата приводятся без указания этого издания.

71, 554. 23, 633. 54). Лес — *hyle* не имеет у Хониата эмоциональной окраски, но он пользуется иными словами, обозначающими чащу как обиталище диких зверей и птиц: слово *lochme* появляется дважды в этом контексте (321. 2, 504. 69), и еще раз Хониат метафорически говорит о "чащобе зверей" (441. 11), имея в виду их многочисленность. Другое тоже лес и чаща: там обитает лев (362. 82), и другая угроза, лесной пожар (630. 93), может возникнуть там. Третий случай употребления слова *drugos* показателен для вдумчивого использования Хониатом библейских цитат: в книге Исаии 55. 12 мы читаем "Все деревья в поле", но поле, поросшее деревьями, видимо, было чуждо византийской действительности, и Хониат заменил фразу на "все деревья в чаще" (431. 51).

Прилагательные, связанные с этими понятиями ("поросший лесом"): *lochmodes* (13. 21, 131. 5), *drugodes* (503. 29.), *amphilaphes* (129. 48, 153. 55, 180. 73), встречаются в общей сложности шесть раз.

Слово *alsos*, роща, появляется у Хониата шесть раз, и всякий раз во множественном числе. За исключением иронического словоупотребления "словно стражи священных рощ" (540. 38), *alos* обозначает скорее лес, чем рощу; иногда слово появляется в нейтральном контексте (леса или рощи, разрастающиеся от ливней (503. 29)), но вместе с тем оно ассоциируется с дикими зверями (321. 23) и со смертью (181. 28, 190. 75); с горечью говорит Хониат о вырубании рощ (164. 35).

Обобщенное обозначение растения, *phytop*, крайне редко у Хониата — однажды он говорит о "благородных растениях" (193. 63) и еще раз о "растении познания" (523. 28), явно имитируя библейское "древо познания" (Бытие 2:17).

Может быть, несколько более разнообразен Хониат в описании травяного покрова. Прямо ссылаясь на книгу Иова (5:25), писатель употребляет выражение *rambotanon* поля (634. 81), т.е. полевая трава, или "трава на земле" традиционного перевода. То же в библейском контексте всплывает слово *botane* (Бытие 1:11), когда Хониат напоминает, что Бог произрастил и зелень, и траву, и сеющее семя (485. 93). Кроме того, для обозначения травы он употребляет *agrostis* (248. 69) — опять-таки в библейском контексте "как ливень на траву" (Второзаконие 32:2), равно как и более обыденные слова *chloe*, *chortos*

и роа и их производные. Роа может иметь прямое значение "трава" (179. 35), и прилагательное *roodes* характеризует травянистую долину (450. 64), но чаще *roai* встречается во множественном числе и значит "луг" (125. 28, 129. 50, 176. 61), а причастие *roerphagon*, буквально "травоядный", применено в "Истории" к человеку, питающемуся растительной пищей (145. 22). *Chloe* обозначает скорее хлеба, чем траву (630. 81), и образованное от него прилагательное *chlocros* или *chloros* скорее "зеленый", нежели "травянистый" (114. 29, 150. 53, 207. 94); Хониат даже говорит о "зеленеющих рощах" (321. 23). Впрочем, во множественном числе *ta chloga* может означать траву (90. 89, 615. 25). Слово *chortos* мы уже видели в цитате из книги Бытия — Бог произрастил и *chortos*, и *botane*. "Полевая трава", *agrou chortos*, у Хониата (415. 5) напоминает аналогичную фразу у Иеремии (12:4), только глаголы употреблены различные: Иеремия говорит о сохнувшей траве, а Хониат описывает столкновение всадников, когда один рассек ноги коню противника, "словно кто-то срезал траву". Сходный образ появляется в другом месте: "Они пали как трава" (65. 80) — тоже литературная реминисценция, а не реальная трава.

Уже Иеремия (9:21/22) сравнивает павших со скошенной травой: "Будут повержены трупы ... как трава (*chortos*, в традиционном переводе "снопы") позади жнеца", а византийская воинская поэзия, развивая этот образ, восхваляла богатыря, который косит врагов, "как добрый жнец траву сечет"¹.

Помимо того, слово *chortos* употребляется proverbially — бык с травой на рогах (585. 48) — это старое латинское (и, видимо, греческое) выражение, применяемое к опасному быку. Наконец, *chortos* могло быть приложено к кустарнику или растительности вообще — Хониат говорит о "густом *chortos* в непроходимой местности" (129. 48); вряд ли он имел в виду непроходимую траву. Образованный от этого слова глагол *chortologeio* означал фуражировку (403. 63).

Писатель изредка использовал специфические слова, обозначающие сорную траву — *zizaniou* (233. 48) и *aiga* (248. 58), противопоставленные соответственно благородной растительности и злакам.

¹ Девгениево деяние / Издала В. Д. Кузьмина. Москва, 1962. С. 151; 156.

Слова для обозначения деревьев появляются в "Истории" несколько чаще: *dendron* и его производное *dendrotomeomai* — 13 раз, *xulon* и прилагательное *xulinos* — 20. Впрочем, и эти цифры незначительны, если их сравнивать с названиями частей тела: *kephale*, голова, зарегистрировано в моей симфонии 91 раз, *rous*, нога, — 128, а *cheir*, рука, — 266.

Что касается слова *dendron*, то оно изредка появляется в оптимистическом контексте: ветки деревьев служат украшением (108. 47), и несколько раз тень от дерева укрывает отдыхающего (184. 9 и 16, 325. 17); moreover, последнее выражение двусмысленно, поскольку "тенистое (в традиционном переводе "зеленеющее") дерево" выступает в книге Иезекииля (6:13) как место гибели идолопоклонников. В остальных случаях это слово фигурирует либо там, где Хониат описывает вырубание деревьев (40. 57, 164. 36, 203. 74, 403. 59 и 65), либо их использование в качестве виселиц (289. 72 и 85). Глагол *dendrotomeo* (269. 94) значит "валить деревья", и он вписывается в тот же мрачный и гибельный контекст.

Xulon, однако, употребляется не только и не столько в значении "дерево" (150. 43, 431. 51. Дерево или сук — 276. 34), сколько в родственных и смежных значениях: бревна¹, хворост (256. 43), благовония — "индийское дерево" (243. 23), деревянные орудия (345. 80), жезл Моисеев (308. 15) ("Господь показал ему дерево, и Моисей бросил его в воду" — Исход 15:25), наконец, орудие пытки и казни (308. 20, 444. 93). Прилагательное *xulinos* (82. 67, 134. 93, 163. 32. 508. 94, 543. 1, 622. 34) употребляется не в смысле "древесный", но "деревянный" и относится к различным изделиям, как-то: лестницы, башни, гимнастические снаряды и т.п.

Если *xulon* это скорее деревянное изделие, чем живое дерево, то в словаре Хониата есть ряд специфических слов для пород деревьев. Идентифицировать их можно только условно, и я не стал бы настаивать на точности перевода их названий; однако само обилие этих терминов, употребляемых обычно лишь раз или два, кажется мне существенным в средневековом тексте. Хониат называет дуб *grinos* (493. 80) или *dryos* (338. 83), оба раза с

¹ 19. 86, 540. 40, 634. 91. Пассаж 82. 68. навеян Фукидидом (4. 108, 7. 25). Во фразе 615. 20 вместо *ek xulon eupreston*, видимо, следует читать *eupriston*, т.е. хорошо распиленные бревна.

классическими аллюзиями: как дуб в пламени (Аристофан, Лягушки 859) и не от дуба рожденный (Одиссея 19, 163); дважды Хониат пользуется словом *gerandruon*, старый дуб (349. 11, 495. 25), и однажды — словом *druokaaron*¹, желудь, не зарегистрированным в словарях классического греческого языка.

Белый тополь, *ascherois* (170. 35), тоже слово, игравшее важную роль в классических мифах, и ясень, *melinos*, всплывает опять-таки в традиционном, гомеровском словоупотреблении как ясеневое копье (305. 14). Хониат также знает сосну — *pitys* (143. 48) и *elatinos* (139. 50), кипарис (*kyparissos*) (431. 52) и кедр (*kedros*), разумеется ливанский (446. 52) — (сравни, например, Псалом 91:13). Писатель упоминает ряд фруктовых деревьев: смокву и ее плоды (310. 47, 523. 57, 592. 33), дикий персик (184. 9) и мирт, *myrtine* (431. 53). Смоква (*syke*) имеет литературные ассоциации: смоковные листья восходят к Бытию 3:7, а выражение "смоква на смокве" — к Одиссее 7. 121. Зато *achladephorouin dendron* не имеет античных параллелей и может рассматриваться как неологизм. Из фруктов Хониат упоминает прежде всего персик, *Persikon melon* (148. 88, 177. 73), тогда как обычное яблоко, *melon*, появляется преимущественно в мифологическом контексте как золотое яблоко Эриды (260. 62, 648. 43) или как яблоки, которые кидают Эроты (648. 53); соответственно глагол *melobolco*, кидать яблоки, прилагается к "обнаженным Эротам" (332. 36). Метафорически Эроты, бросающие яблоки (140. 77), означают "вести к брачному алтарю". Другой фрукт, груша, *oshepe*, тоже употребляется в гомеровской цитате "смоква на смокве, груша на груше" (см. выше) или в proverbialной оппозиции к терновому кусту, на котором будто бы вырастают груши (310. 46).

Финиковая пальма (*phoinix*) появляется сравнительно часто — четыре раза, в том числе в цитате из книги Иова 29.18 "словно ствол финиковой пальмы" (неузнаваемо в традиционном русском переводе — "дни мои будут многи как песок" 446. 52. Остальные случаи 163.

¹ 498. 23. Хониат употребил это слово также в одной из речей (*Orationes et epistulae* / Rec. I. A. van 'Dieten. Berlin, New York, 1972. 60. 12), и Евстафий Солунский знал сходное слово *drykarpos* (*Commentarii ad Homerii Iliadem pertinentes* / Ed. M. van der Valk. Lugduni Batavorum, 1979. Vol. 3. 158. 8).

33, 164. 35 и 36). Оливковое дерево, *kallielaios*, упомянуто proverbially, в цитате из послания к римлянам 11:24, и противопоставлено дикой оливе, *agrielaios*¹; в другом месте Хониат говорит о молодом побеге, привитом на оливе (137. 86).

Вполне естественно, виноград занимает большое место в лексике Хониата. Виноградная лоза, *ampelos*, встречается четыре раза, один раз в парафразе Михея 4:4, где писатель говорит о "плоде виноградной лозы" (325. 18); дважды — в мрачном контексте пыток, когда члены человеческого тела отсекаются, как виноградные лозы (289. 74, 548. 6); и наконец, в пересказе Плутарха (Марий 21), где *ampelos*, окруженные изгородью из костей германцев (71. 69.), скорее виноградники, чем просто лозы. Другое слово для лозы, *hemeris*, встречается дважды (289. 85, 634. 74), в том числе один раз в сравнении с трупами, повешенными на деревьях. Хониат также пользуется словами *ghax*, виноградина (71. 56, 234. 75), *botrys*, виноградная гроздь (289. 87, 304. 5), и *omphax*, неспелый виноград².

Историк называет несколько сортов кустов. *Akantha* означает, видимо, дикий шиповник, из которого может произрасти роза (324. 9), но также и всякую сорную растительность (203. 73). *Rhamnos* (310. 46 и метафорически о дурных людях — 625. 44) и *stoibe* (431. 52) тоже колючие кусты; *thamnos* (23. 5) — какое-то дерево или куст, за которым скрывается антилопа; *konyza* — какое-то негодное растение (431. 53). Хониат повторяет Исаию (55:13), предвещающего, что из конизы вырастет мирт; традиционный перевод "крапива" вряд ли удачен. Наконец, *kittos* (площ) появляется однажды в сравнении, подчеркивающим прочность объятий (490. 65).

Многообразные названия, связанные с деревьями, входят в "Истории". *Skolops* означает прежде всего сваленное дерево (392. 78), но Хониат употребляет это слово и для обозначения орудия казни (591. 6, 627. 93), и метафорически как камень преткновения (534. 71). Сходное значение имеет *stelechos* — Хониат говорит о стволах

¹ 581. 30. Образ стал традиционным в византийской литературе — см., например: Theodoros Prodromos. *Historische Gedichte* / Herausgegeben von W. Hörandner. Wien, 1974. no. 18. 162.

² 234. 75, 427. 32. Последний случай — прямая аллюзия на книгу Иеремии 38 (31). 29: "Отцы ели кислый виноград".

финиковых пальм. Хворост, помимо *xylon*, обозначался другими словами — *phogutos* (198. 85, 256. 43 и метафорически как символ легкости 65. 81, 112. 60) и *klematis* (311. 73). Для молодых побегов он использовал *egnos* (139. 50) и *thallos* или *thalos* (114. 30, 228. 26).

Отдельные части растений тоже оказываются в поле внимания Хониата. Для обозначения сучьев он пользуется разными словами: *akremon*, что может также приобрести метафорическое значение "видная персона" (289. 72 и метафорически 207. 74), зафиксированное в патристической литературе; *klados* (143. 48, 285. 78, 289. 75), что по меньшей мере однажды появляется в библейской цитате (Исаия 55:12): "Деревя будут рукоплескать своими сучьями"; *klon* (431. 52) и редкое *ghadamnos* (137. 86). Слово *phellyga*, кора, лыко, не зарегистрировано в классических словарях — Хониат говорит о канате, сплетенном из лыка (350. 36). Он употребляет слово *petalon* (187. 91), древесный лист, и библейское слово (Бытие 3:7) *phyllon* (592. 33), обозначающее смоковые листья. Он также знает слово *belonai* (143. 48), сосновые иглы. Наконец, мы встречаем в "Истории" слово *ghiza* (127. 68), корень, и образованный от него глагол *ghizophageo*, есть корни (164. 55), что уже относится к корнеплодам, а не к древесным корням.

К этой же группе понятий можно отнести и *lygos*, ивовую ветвь, упомянутую преимущественно как материал для поделок: из ивовых ветвей плели сосуды (507. 50, 508. 94), делали розги (35. 37) и посохи (131. 2); араб-волшебник, изобретатель воздухоплавательного аппарата, использовал ивовые прутья для своего неуклюжего парашюта (119. 65).

Пожалуй, наиболее популярные растения — это злаки. Хониат употребляет слово *sitos* 14 раз, однако о растущих хлебах он говорит редко (634. 74), в том числе о хлебах, задушенных плевелами (233. 49). Обычно же *sitos* — это зерно: собранный урожай (495. 33, 602. 10), продукт питания (417. 69, 452. 12, 573. 6), который мог быть испорчен (66. 31), объект раздачи (481. 78, 495. 23) и чаще всего перевозки (63. 22, 409. 19 и 40, 452. 10). Прилагательное *sitorphoros* встречается в традиционном значении "плодоносный" — плодоносные поля (209. 44), но образованное от него существительное наделено новым смыслом — фуражир (408. 2). Три разных слова обоз-

начают в "Истории" колосья: *antherix*, что может приобрести метафорическое значение — Хониат говорит о колосьях, несущихся просто-таки поверх колосьев (310. 47; метафорически 71. 53); *stachys*, что может быть "задушен сорной травой" (248. 57) — *stachys* появляется также в прямой цитате из Илиады 23. 597 и сл. и во фразе, напоминающей поговорку "По колосу узнаем сеятеля" (55. 21, 280. 31); и *astachys* (204. 83, 310.47). *Kalame* (солома) употреблено только раз, и то в метафорическом значении "остаток"¹. Зерно обозначается разными словами: *kokkos* встречается в евангельском выражении "горчичное зернышко" — Матфей 13:31 (523. 38.); *sporigon* в общем значении зерен, дающих начало доброму плоду (495. 34); и наконец, *spergma*. Последнее слово, однако, появляется только в метафорическом значении: подчеркивая непрочность, Хониат говорит "как зерна" (361. 56, 593. 51); в соответствии с книгой, Исаии (1:9) Хониат использует это слово в смысле "небольшой остаток" (188. 19); он говорит о зернах страха (67. 39). Особенно часто *spergma* означает семя и прилагается к происхождению человека, как законному, так и чаще к незаконному (142. 30, 309. 24, 481. 92, 607. 15, 638. 45). Пожалуй, единственный случай, когда "семя" у Хониата означает реальное посеянное зерно, это цитата из книги Бытия (1:11) — (634. 81).

Хониат знает специфические сорта хлебов: *meline* "просо" (445. 43), *olyrites* "полба" (305. 20) и *rygos* "пшеница" (205. 38); дважды писатель пользуется библейским выражением (Псалмы 80:17) "тук пшеницы" для обозначения первосортного хлеба (259. 28, 577. 27); он упоминает также "приносящие пшеницу (*rygophoros*) нивы" (504. 73).

Помимо злаков и фруктовых деревьев, лишь немногие полезные растения названы Хониатом: *sinari* "горчица" в приведенной выше цитате из Евангелия от Матфея; *skorodon* "чеснок" (594. 4); *sikyos* "огурец?" (504. 59); *repon* — тыква или арбуз (441. 5, 504. 59). Напротив, цветы появляются в "Истории" сравнительно часто. Общее название, *anthos*, упомянуто семь раз (108. 47, 630. 81), однажды с аллюзией на Песнь песней (2:12-13) "цветы... издают благовоние" (411. 81) и другой раз — на Илиаду 2. 89 (628. 13). Одна фраза звучит про-

¹ 353. 40. *Karphe* (сухая солома) употреблено дважды — 94. 87, 198. 25.

вербиально: "Искать цветы зимою" (584. 28). Наконец, это слово употребляется метафорически — "цвет юности", "многоцветная окраска" (54. 69, 206. 50). Производные от *anthos* — *anthe* (477. 80, 524. 61), *antheros* (109. 79, 450. 64) и *antherotes* (559. 62) подчеркивают яркость, свежесть, цветистость. *Kalyx*, бутон, назван один раз (652. 69).

Хониат знает индивидуальные сорта цветов. Это прежде всего *rhodos*, роза (324. 9, 445. 43); *rhodonia*, розовая грядка, использовано метафорически в выражении "розовая грядка красоты" для описания цветущей женщины (473. 56). Писатель называет еще анемон (*anemone*) — (445. 44), лилию (*krinon*) — во фразе из Евангелия от Матфея 6:28 (593. 68), крокус ? (*krakos*) — во фразе из Илиады 14. 348 (310. 48), и гиацинт (*hyakinthos*) (310. 49). Чаще, чем реальные цветы, Хониат упоминает лотос (126. 64, 207. 5, 310. 48, 496. 59) и один раз — другой сказочный цветок (или траву), моли (349. 91).

Среди реальных растений Хониата определенным образом интересовал тростник. Он знает тростник как *doпах* (26. 75) — слово, также употреблявшееся для обозначения копья и пера, а также как *kalamos*.

Из тростника делались копья (29. 57), и само копьё тоже именовалось *kalamos* (249. 4, 581. 11); вместе с тем *kalamos* символизировал хрупкость — следуя за Исаией 42:3, Хониат говорит о "трости надломленной"¹, и прилагательное *kalamos*, не зарегистрированное в классических словарях, означает "хрупкий".

Нет нужды специально подчеркивать, что "История" Никиты Хониата не руководство по садоводству и что историк далек от того, чтобы описывать византийские ландшафты. Растительный мир занимает несущественное место в его описаниях, и растения появляются на страницах "Истории" случайно, по большей части в литературных ассоциациях, в цитатах (главным образом из Ветхого завета), в провербиальных выражениях, сравнениях и метафорах. Растительному миру уделено гораздо меньше внимания, нежели частям человеческого тела.

Но вот что любопытно: если общее число упоминаний растений и их частей невелико, растительный репертуар

¹ 350. 43. Сравни также выражение "тростниковая помощь" (*Choniates*, *Oratio*nes 214. 3), синонимичное выражению "фиговая помощь" (*sykine epikouria*) в "Истории" (590. 71).

Хониата многообразен — писатель знает различные деревья, кусты, цветы и травы, называет их части (ствол, ветви, лыко, бутон и т.п.). Несмотря на книжное происхождение многих растительных пассажей, наиболее употребительными оказываются те категории (злаки, виноград и тростник), которые играли самую существенную роль в византийской экономике; именно к ним вновь и вновь возвращался писатель. Опять-таки несмотря на книжность, подчас мифологичность растений Хониата, время от времени он употребляет для обозначения их или их частей слова, по-видимому не известные античным авторам и, следовательно, происходящие из живой лексики.

Несмотря на то, что задача Хониата была далека от описания природы, несмотря на литературность его растительного мира, он не был чужд природе. Но растительный мир в "Истории" — и книжный, и реальный — подвергнут переработке в соответствии с общей трагической концепцией писателя и используется для создания гибельных образов разрушения, мучительства и казней.